

Доктор Канин выехал из Дементьевска-Тиманского рано утром. Он ехал в город N где-то в Центральной России, читать лекции для повышения квалификации тамошних эскулапов. На лице у доктора Канина была кислая мина. Ему было скучно.

Оно и понятно. В купе он ехал один, да и вообще в вагоне народу оказалось немного. Канин находился как раз в том социальном статусе, когда СВ руководство ещё не оплачивает, а в плацкарт садиться уже как-то не с руки. Никакого чтива, кроме свежего номера “Ведомостей” из автомата на Нижегородском вокзале, он с собой не прихватил, а рубиться в “Героев-3” на ноутбуке ему уже порядком надоело. Да и несолидно это. Что он, студент сопливый, что ли? Кандидат медицинских наук, доцент на кафедре, старший научный сотрудник НИИ пульмонологии, а в игрушки играет. Смех, да и только.

Он смотрел в окно, а видел своё отражение. Физиономия вырисовывалась неприятная, любоваться на неё не хотелось. Канин провёл рукой по сидящим волосам, которые никак не желали лежать по-человечески, зачем-то дотронулся до высокого, чуть скошенного лба, потом махнул рукой и попробовал читать газету.

Не вышло. Глаза начинало резать, чёрные на сером буковки сливались в одно большое сюрреалистичное пятно, и настроение испортилось ещё сильнее. Это самое страшное для врача понимать, что он болен. А в том, что сходить к офтальмологу по возвращении в город всё-таки придётся, у доктора Канина ни малейших сомнений теперь не было. С другой стороны, в очках он станет выглядеть ещё презентабельнее.

Потом он попробовал почитать им же написанные лекции (там шрифт был покрупнее). Вышло ещё хуже, чем с газетой. Тему лекций — респираторный дистресс-синдром — он и так знал на ять, рассказал бы и с закрытыми глазами. А открытые всё равно видели плохо.

Вообще, справедливости ради следовало признать, что жизнь была не так отвратна. Не далее, как месяц назад Канин очень удачно сменил свою трёшку на Волобуева (почти центр, но далековато от метро) на четырёхкомнатную на Яновском Поле, что уже не такой центр, зато метро прямо под носом. Кроме того, сбор материала на докторскую шёл полным ходом.

Так он и ехал в одиночестве до самого Глазова, то есть почти до вечера. Сходил в вагон-ресторан, с важным видом постоял у окна в коридоре, всё же почитал с горем пополам газету. Пробовал поспать, да заснуть не смог.

Наконец, не выдержал: расстегнул сумку и достал оттуда бутылку сливового вина, подаренную наемни одним пациентом. Тот знал, что доктор Канин любит сливовое вино, и где-то раздобыл его любимый сорт, надо сказать, довольно дорогой. Канин подумывал оставить его дома в серванте, но не совладал с собой и в последний момент взял, завернув в старую рубашку.

Поезд уже отъехал от перрона глазовского вокзала, когда доктор Канин, налив вина в маленькую стопку, чокнулся со своим отражением в начинающем чернеть окне и чуть-чуть пригубил. Вино шикарное. Словами вкус было не передать.

В этот самый момент дверь купе открылась, и вошёл человек. Более от скуки, чем из интереса, Канин внимательно рассмотрел его. На вид вошедшему было примерно столько же, сколько самому доктору, — сорок пять, много — пятьдесят. Своеобразное, запоминающееся лицо — сухое, серое, покрытое редкими, но глубокими и длинными морщинами, стянутое в какой-то странной, задумчиво-суровой гримасе. Глаза этого человека отдавали едкой, неприятной желтизной, к тому же постоянно подергивались, будто их обладатель всё пытался зацепить что-то взглядом, и не мог. Одет он был в недешёвый, но сильно измятый серо-бежевый плащ, не застёгнутый ни на одну пуговицу, на плече — ветхая чёрная сумка, а в правой руке — какая-то книга. Книгу эту крепко сжимали пальцы.

Впечатление оставалось неприятное. Будь дело веке в девятнадцатом, про такого человека сказали бы “жёлчный субъект”. Но на дворе, слава Богу, был двадцать первый, так что награждать соседа по купе таким эпитетом показалось Канину до смешного высокопарно. А ещё для приличия, конечно, следовало поздороваться, что Канин и намеревался сделать, но вошедший опередил его.

— Добрый вечер, — почти неразличимо сказал он не то доктору, не то куда-то в сторону, а затем посмотрел на Канина и улыбнулся ему — сдержанно, одним намёком, но как-то очень приветливо, так, что неприязнь развеялась сама собой.

— Здравствуйте, — кивнул Канин и, смущённо отставив стопку, посмотрел в окно.

А попутчик его, меж тем, сел напротив и, не положив в рундук сумки и даже не снимая плаща, открыл книгу и принялся сосредоточенно вглядываться в убористый текст. Затем достал откуда-то огрызок карандаша и начал им что-то подчёркивать. Стоило думать, со зрением у него тоже было худо, так низко он нагнулся над столом.

Здесь доктор Канин почувствовал себя неловко. Заниматься какими-то своими делами в присутствии этого человека ему казалось неудобно и почему-то невежливо, и потому он просто смотрел в окно. Так прошло полчаса,

может, три четверти часа, Канин времени не засекал. Наконец, сосед отложил книгу в сторону и поднял глаза.

— Скажите, вы куда едете? — голос у него был тихий, необычно умиротворённый и спокойный.

— В N.

— Правда? — с воодушевлением спросил человек.

— Да.

— Вы тоже... в монастырь?

— Нет, я по работе. А в какой монастырь?

— Мужской монастырь. Древняя, святая обитель, — и он улыбнулся снова, и снова едва заметно, но так же тепло и мягко.

— Я даже и не знал, что там есть монастырь...

Доктор Канин на этот раз внимательнее всмотрелся в своего попутчика, и не смог понять, отчего эта улыбка так к себе располагает. Ведь её даже улыбкой назвать было сложно — на лице его почти не было мимики. И выражение задумчивости, сосредоточенности никуда не исчезало.

Доктор Канин смотрел так, наверное, с полминуты, не отводя глаз. Куда же смотрел незнакомец, сказать было сложно, — его взгляд так и не зацепился ни за один предмет в кунце, так, как будто бы для этого человека все они были одинаковые.

Наконец, нарушив повисшее молчание, он произнёс:

— Наверное, вы никогда не бывали в этом городе раньше. Все знают об этой обители, все едут туда. И я тоже... надеюсь успеть к Страстной пятнице.

Ах да, вспомнилось Канину, скоро же Пасха. А нынче четверг, Чистый четверг, стало быть.

Так выяснилось, что сказать им друг другу больше нечего. В воздухе повисло — опять — то ощущение неловкости, которое хотелось как можно скорее преодолеть.

Вежливо кивнув, Канин снова отвернулся к окну, но боковым зрением всё поглядывал на лицо попутчика. Оно стало напряжённым, черты заострились, как будто тот подавлял мучившую его сильную боль. Но улыбка с губ не исчезла и даже не выглядела наигранной и фальшивой — человек действительно улыбался. Напряжённость выражения усиливалась, передалась на шею и плечи, отчего поза стала ссутуленной, а левая рука сжалась в кулак.

Наконец, в какой-то момент он вздохнул, тяжело и раздосадовано, вынул из кармана белый флакончик с какими-то таблетками (Канин не успел рассмотреть, какими именно), вытряхнул себе в ладонь три или четыре и проглотил, не запивая. Затем откинулся на стенку, закрыл глаза и несколько минут неподвижно так сидел, еле заметно дыша и ничего не говоря.

Канин, разумеется, понимал — что-то здесь не так, но вежливость долго не позволяла спросить, что именно. Наконец, он спросил — негромко и со странной для медика опаской:

— Вам плохо? Я врач, я могу помочь...

Человек не сразу ответил. Даже глаза открыл не сразу, а едва ли не через минуту.

— Господь с вами, всё нормально, всё хорошо...

— Да нет, я же вижу, вам больно... Скажите, что...

— Язва желудка. Ничего, поболит, пройдёт. В пост всегда сильнее болит, но это ничего, это пост.

— Вы, что, всерьёз думаете, — спросил, нахмурившись, Канин, — что это мелочь?

— Всё послано Господом как испытание.

— Знаете, верить — это одно, а так... Скажите, вы когда ели в последний раз? И что ели?

— Как же, утром, картошку варёную, без масла, как положено.

— А когда в следующий раз есть будете?

— В Великую Субботу, утром уже можно будет.

— Я думаю, не стоит так делать. Здоровье нужно беречь. От него в нашем с вами возрасте уже и так немного остаётся, надо к нему трепетнее относиться.

— Скажите, как вас зовут?

— Евгений Викторович.

— Так вот, Евгений Викторович, вы поймите — в этом весь смысл поста, это испытание и изнурение для души и тела, это доказательство веры человека.

— Испытание — не испытание, но вот с язвенной болезнью желудка шутки очень плохи, это я вам как врач говорю.

— Это не шутки. Это попытка смирения, — при этих словах попутчик посмотрел куда-то вверх и, после некоторой паузы, продолжил: — Христос принял смерть за грехи человеческие, и мы воодушевляемся примером Его. И, значит, в каждом из нас должна быть готовность страдать и, может, не только за себя. Это и есть то, что называется смирение, самая, наверно, большая добродетель.

— Нет, не понимаю. Зачем заставляешь себя терпеть, если этого вполне можно избежать, вовсе не причиняя никому вреда или неудобства? По-моему, извините, это мазохизм...

Человек лишь пожал плечами и ничего на это не сказал, лишь снова взял в руки книгу и продолжил её изучать.

За окном уже совсем стемнело, и доктор Канин решил ложиться спать — не то, чтобы завтра ему было рано вставать, но делать всё равно было нечего. К тому же, ему было стыдно за свою последнюю фразу, она казалась теперь звучащей обидно. Но ещё более неудобным ему показалось за неё извиняться.

Раздевшись и укрывшись одеялом, доктор уже сквозь сон видел, как его попутчик по-прежнему сидит за столом, в одной позе, с карандашом в руке.

Постель в вагоне — не самая мягкая, чистая или тёплая на свете, но доктор Канин в ту ночь отлично выспался. Он проснулся очень поздно, почти в одиннадцать утра, когда проводница зашла в купе предупредить пассажиров, что через 40 минут — город N. и что бельё пора сдавать.

Канинский попутчик в это время тоже спал — так и не снимая плаща, прислонившись к окну. Перед ним лежала раскрытая книга, по столу с неприятным шорохом перекатывался огрызок карандаша.

Он крепко спал. Голоса проводницы он не услышал, и поэтому Канин, дождавшись, когда та уйдёт, встал с постели, оделся и, наклонившись к нему, произнёс:

— Просыайтесь. Через 40 минут прибываем.

Но он не просыался. Тогда Канин легонько тронул его за плечо, и это помогло — человек дёрнулся всем телом, ещё сильнее вжался в угол и только потом открыл глаза, а когда понял, в чём дело, растерянно произнёс:

— Извините меня, я, кажется, уснул. Слава Богу, что вы меня разбудили, спасибо.

— Не за что. Это вы меня извините, что так бесцеремонно.

— Нет-нет, ничего...

Он смотрел на доктора, бесцельно моргая глазами, будто пытался сфокусировать взгляд. Вероятно, вновь подумалось Канину, у его попутчика были проблемы со зрением.

Всё-таки он был странный, этот человек — вроде бы первое впечатление от него осталось пренеприятное, но стоило ему заговорить, и тут же оно поменялось! И какая-то сверхъестественная теплота исходила от его, в общем-то, самых обычных, слов, и от улыбки его, такая теплота, от которой хочется жить.

Перрон вокзала в городе N. всегда был многолюднее, чем сам город, — большая станция, на ней часто и надолго останавливались поезда. На платформах шла бойкая, неискоренимая торговля с рук всем, чем только можно, — от пирожков и беляшей с неизвестной начинкой до нехитрой радиоэлектроники и мужских журналов за прошлый месяц.

Сойдя с поезда, доктор Канин тут же затерялся в шумной вокзальной толпе, которая перенесла его через путь, высокую платформу, внесла в зда-

ние вокзала, вынесла наружу и рассеялась, оставив одного на привокзальной площади.

Там было совсем не то, что у поездов. На большой площади, где проезжая часть была покрыта потрескавшимся асфальтом, а тротуары — битыми плитами, почти не было людей. Правда, у другого крыла вокзала, отданного, как водится, под автостанцию, стояли в ожидании пассажиров несколько пригородных “Газелей”, которые производили некоторое оживление, но в остальном было пустынно и тихо.

В этот самый момент из вокзала вышел ещё один человек, и в нём Канин без труда узнал своего попутчика. Подойдя к доктору, он улыбнулся и спросил:

— Вы не знаете, как уехать?

— Если честно, нет, — признался доктор Канин, не задумывавшийся об этом вовсе, полагая взять такси, которое и так куда нужно увезёт.

— А куда вам нужно?

— В больницу для начала.

— А-а-а... Садитесь вот прямо здесь на 3-й автобус и ежайте до конечной. К самой больнице приедете. А можете на такси, если хотите. Только здесь вы такси не поймаете, пройдите во-о-о-о-он туда, метров сто, они все там стоят.

— Хорошо, спасибо большое.

— Не за что. А вы, всё-таки, приходите сегодня в монастырь, на службу, и завтра приходите... Приходите.

— Ладно, я попробую, если у меня получится, я приду.

— Что ж, всего доброго.

— До свидания.

Сказав это, человек наискосок пересёк площадь, и скрылся в каком-то из дворов.

Канин, никуда не торопясь, по-прежнему стоял на остановке, выбрав место посуше, и шурился от тёплого весеннего солнца. Можно было наслаждаться тишиной, свежим воздухом, хорошей погодой и ярким, живым светом. На долю доктора все эти удовольствия редко выпадали. В кабинете было душно и жарко, в операционных института — ещё душнее и ещё жарче, а при включённых кондиционерах — нестерпимо холодно. А дома? Дома бывало по-разному, но почему-то всегда темновато.

Здесь ему подумалось, что в большом городе, откуда он приехал, вообще существенно темнее — может, потому, что дома там выше, может быть, потому, что сам город — севернее, какая разница? Он постоял так ещё некоторое время и тоже пошёл наискосок через площадь, только в другую сторону — туда, где, как указал ему попутчик, стояли таксисты.

Носатый седой армянин, водитель неопределённого цвета “семёрки”, мирно почивал на разложенном кресле, и на голос Канина никак не реагировал, поэтому доктору пришлось поступить невежливо: он просунул руку в опущенное с водительской стороны окно, легонько постучал по пыльному пластику приборной доски, и это мгновенно подействовало.

Задав дежурный вопрос: “Куда?” — и услышав ответ, армянин назвал дежурную же цену — “пятьдесят”. Будь в городе сто тысяч населения, он попросил бы семьдесят, а если полмиллиона — сто семьдесят. Доктор Канин отлично это знал, поэтому, прикинув в уме примерное население города, вытащил полтинник из кошелька ещё на подходе.

Ехать тоже оказалось одно удовольствие — на улицах не было ни светофоров, ни разметки, ни, собственно, потока — изредка попадавшиеся одиночные машины почти мгновенно терялись из виду. В приоткрытое окно врывался свежий ветер, однообразные и в то же время совсем не надоедающие пейзажи небольшого города проносились мимо, и даже многочисленные выбоины на асфальте почти не ощущались. Таксист ехал быстро и соблюдением правил себя не утруждал (в чём, впрочем, и не было особой необходимости), так что домчались они минут за десять, если не меньше.

Собственно занятие намечалось начяс пополудни, так что, бросив вещи в гостиничном номере, скромном, но чистом, доктор Канин, которому порядком надоело как сидеть, так и лежать, стал думать о том, чем же здесь можно заняться. Вопрос был не отнюдь не праздный, так как обратный поезд был только в субботу утром, и стоило как-то спланировать время.

Занятый этими построениями, он зачем-то вышел на улицу, и куда-то пошёл — неизвестно, куда. Не то, чтобы он очень хотел прогуляться, — просто ноги сами вынесли его, и он не стал этому противиться. Сами же собой перед его глазами возникли наполовину обшитый сайдингом универмаг с окнами, местами заложенными шлакоблоками, за ним — ещё один торговый центр, который когда-то явно был кинотеатром, а за его углом обнаружился небольшой и нешумный, но колоритный и очень ароматный рынок, мимо которого Канин просто не мог пройти.

Он вспомнил, как в детстве бегал на точно такой же базарчик (в те времена такие в Дементьевске-Тиманском ещё существовали), покупал там малосольные огурцы, редис, квашеную капусту, зелень, причём покупал всегда больше, чем было нужно, — многое съедал уже по дороге... Доктору Канину вдруг почудилось, что вот здесь, сейчас, он встретит то же самое — такие же огурцы, такую же квашеную капусту, — и он был почти уверен, что как найдёт — непременно купит...

Однако ни огурцов, ни квашеной капусты на рынке не нашлось. Там нашлись прошлогодние мандарины, яблоки и хурма, сложенные в аккуратные пирамидки, да ещё очень много крупной, неестественно чистой картошки в фирменных красных сеточках. Доктор Канин даже не сразу понял, что в апреле месяце свежим овощам просто неоткуда взяться.

Отойдя от торговых рядов, Канин присел на чистую от снега скамейку. Ему вдруг очень захотелось курить, хотя он бросил ещё лет пятнадцать назад.

Никак не выходил из головы безымянный попутчик. Он, Канин, редко теперь уже обращал внимание на дорожные знакомства, и любого другого забыл бы через пять минут, но этого... Какая стойкость, думалось доктору, ведь, как он вспомнил услышанное где-то, больные освобождаются от поста. А ещё этому человеку должно быть больно, очень, очень больно. Канин, конечно, не был гастроэнтерологом, но ощущения представил себе довольно живо. А кругом все спуют, все бегают, все чем-то заняты, и кому какое дело, что нынче Страстная пятница! Все забыли... И тут же в голову пришла другая мысль: а может быть, и правильно сделали?

Доктор Канин никогда не считал себя не то что религиозным, но и просто верующим, и не смог себе объяснить, откуда у него возникло желание всё же съездить вечером в этот монастырь. Но сделать это он решил твёрдо — в том числе и потому, что заняться всё равно было нечем. Не пить же с местными коллегами. Тем более что доктор Канин с кем попало не пил.

2

Занятие по повышению квалификации получилось неприлично скучным. По ходу лекции доктор Канин всё пытался, но так и не смог понять, кого сильнее клонит в сон: слушателей или же его самого.

До монастыря он сначала хотел было отправиться пешком, но, когда спросил у местных, куда нужно идти, и услышал от них, что монастырь находится в добром десятке километров от города, решил всё же взять такси.

...Машина притормозила метрах в ста от ворот: ближе водитель подъезжать не рискнул из-за собравшейся под стенами большой толпы. Расположенная справа стоянка была до отказа забита автомобилями, рядом с выездным шлагбаумом стояли несколько паломнических автобусов.

Лишь только доктор Канин ступил на землю, толпа, как за несколько часов до того на вокзале, подхватила его и понесла по направлению течения.

Только оказавшись по другую сторону стен, Канин смог выбиться из общей толчи и, встав на бордюр, немного осмотрелся по сторонам. В огромном

комплексе монастырских зданий церквей было, по меньшей мере, восемь, но действовали из этого числа, по-видимому, только три, так как народ стекался туда.

Канин точно не знал, в какую из них следует идти, поэтому пошёл в ту, которая оказалась ближе всего, — не очень большую, но, как и все здания в духе классицизма, не лишённую некоторой излишней массивности. За тяжёлыми дубовыми дверьми, в притворе, и далее, в западной части придела, людей было сравнительно немного — отдельные разрозненные группы, но дальше спины смыкались сплошной стеной.

...Доктор Канин стоял у западной стены, не пытаясь прорваться через толпу. Нет, он не молился и не думал о страстях Христовых, и вообще в тот момент ни о чём не думал. Больше в воображении, чем на языке, он перекачивал подхваченное им где-то в притворе словосочетание — не то, чтобы совсем незнакомое, но определённо для него новое: “Великая вечерня”. Вот как эта служба, стало быть, называлась.

...Священник пел тягучим, тяжёлым голосом, гулкое эхо отражалось от сводов и, волна за волной откатывалось от алтарной части к притвору. От этого голоса Канину делалось как-то не по себе, внутри что-то начинало вибрировать и дрожать. Голос пронёсся над окружавшей людей тишиной, не трогая самой этой тишины — вязкой и плотной. Канину было слышно, как где-то слева от него кто-то чихнул... Было слышно, как ещё левее, у самого окна, какая-то женщина резко и зло цыкнула на не вовремя заплакавшего ребёнка... Как сзади кто-то шуршит пакетом...

Канин осматривался по сторонам, пытался взглянуть в лица рядом стоящих... На службу собрались люди самые разные — старые и молодые, мужчины и женщины, одетые богато и попроще. Но если во всех этих людях и было нечто общее, то, несомненно, выражения их лиц — суровые, нарочито хмурые, даже мрачные, с поджатыми уголками ртов и взглядами, направленными в одну точку, перед собой. Глядя на эти лица, доктор Канин вдруг понял, что же на самом деле означает выражение “постная мина”. Ни за одну из них глаз не цеплялся, взгляд хотелось тотчас же отвести.

Поэтому Канин стал всё больше смотреть вниз, на пол, и не сразу заметил почти прямо перед собой знакомый серо-бежевый плащ. Они с попутчиком и здесь умудрились не разминуться!

Первой мыслью Канина было подойти и поздороваться, но, сразу поняв, что это будет, по крайней мере, невежливо, он остановился, застыл в полуготовности сделать шаг, с подогнутой в колене правой ногой и головой, наклонённой вперед. Сразу вслед за тем он почувствовал желание взглянуть этому человеку в лицо, увидеть, что стало с ним, как оно здесь преобразилось. И тогда доктор осторожно, по миллиметру ступая, через минуту или две сумел вклиниться во впереди стоящий ряд и повернул голову влево.

Человек этот, как и все вокруг, смотрел куда-то в одну точку, но не на впереди стоящих, а как будто бы поверх их голов и плеч, на иконостас или, быть может, сквозь него. Но совершенно другим, отличным от всех прочих, было его лицо — на нём запечатлелись одновременно и скорбь, и недоумение, и скрытый, но неподдельный ужас, как будто бы он оказался в совершенно неестественной для себя ситуации. Видно было, что человек очень внимательно смотрел и слушал — глаза широко раскрыты, мимические мышцы предельно напряжены. И оттого лицо было живым; Канин подумал, что, будь у него зрение получше, он бы непременно разглядел, как на лбу и на щеках его попутчика собираются и тут же разглаживаются крошечные морщины.

Всё это показалось доктору Канину странным, ведь уж у этого-то человека опыт стояния на службах должен быть огромным! Но подойти и спросить, он, конечно, не мог, да и незачем.

Хотя Канин не обращал ничьё внимание на своё присутствие, человек всё же разглядел его боковым зрением и, на секунду отвлекшись, повернулся и кивнул, не улыбаясь, впрочем. Канин, также не улыбаясь, кивнул ему в ответ и тут же сильно зажмурился, ощутив вдруг нестерпимую резь в глазах.

...Он стоял, разминая глаза пальцами; был вынос Евангелия, и на какое-то время стало тихо.

Как следует проморгавшись, он снова взглянул на своего попутчика, но — снова зазвучало, и доктор Канин волей-неволей отвлекся на слух.

...Святого блаженного, Иисусе Христе: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достоин еси...

Человек по-прежнему стоял на своём месте, и всё так же внимательно смотрел и слушал, но выражение ужаса с его лица на мгновение исчезло, втянутые щёки расслабились, чуть сощурились глаза. И тут же лицо напряглось снова...

И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим; и он возвращался в стан; а служитель его Иисус, сын Навин, юноша, не отлучался от скинии.

Моисей сказал Господу: вот, Ты говоришь мне: веди народ сей, а не открьл мне...

Человек вдруг зажмурился, видно, от резкой боли, а открыв глаза, шумно вдохнул и начал судорожно сглатывать, будто подавляя подступавший к горлу ком.

...Кого пошлешь со мною, хотя Ты сказал: “Я знаю тебя по имени, и ты приобрел благоволение в очах Моих”;

итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди Твой народ.

[Господь] сказал: Сам Я пойду, и введу тебя в покой.

[Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выведи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле...

Человек продолжал стоять, не двигаясь, но Канину видно было, как он стискивает зубы, как по морщинистому лицу начинают ходить желваки, как взгляд начинает метаться по церкви из угла в угол. Но на лице не появилось ни тени озлобленности, человек стоял и продолжал внимательно слушать.

И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты говорил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени.

Человек лихорадочно запустил правую руку в карман плаща, пытаясь что-то там найти, но нужного предмета, видимо, не было. “Он всё-таки доигрался со своей язвой, — подумал доктор Канин. — Ах, я же его предупредал... Надо его отсюда вывести и в больницу его, срочно в больницу”...

[Моисей] сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь]: Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалю.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо.

...Но было уже поздно. Лишь только Канин, кого-то потеснив, двинулся туда, где был его попутчик, он увидел, как тот резко, всем телом, дёрнувшись, обеими руками оттолкнул стоявших впереди женщин, и его вытошнило

чёрной, зловонной массой. В первую секунду повисла гробовая тишина, человек стоял, наклонившись, упершись руками в колени и тяжело дышал, и в этот момент его вытолкнуло снова.

“Рвота цвета кофейной гущи... — вспоминал Канин цикл гастроэнтерологии. — Это желудочное кровотечение. И, похоже, очень сильное. Ну всё, труба...”

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц...

— Помилуй, Господи! — закричала какая-то женщина — Нечистый! Здесь нечистый!..

...Доктор Канин плохо помнил, что началось потом. Волна паники в мгновение разлилась по всей церкви. Поднялся страшный шум: визжали женщины, плакали дети... Все разом рванули к выходу; в притворе началась сильная давка.

Доктор Канин попытался прорваться к своему попутчику, но в начавшей сумятице это оказалось непросто.

— Дорогу! Пропустите, пропустите, я врач!! — он кричал, что было силы, но его никто не слушал и в общем шуме не слышал.

“...Как бы они его не растоптали... Осмотреть, осмотреть, чтобы там перфорации не было. Проперкутировать, сохранена ли печёночная тупость, посмотреть на симптом Щёткина-Бломберга... Только бы он был не в коме...”

— Вызовите “скорую” кто-нибудь!!! Он же умрёт!!! Ну, пропустите же! Пропустите!

Жалкие три-четыре метра до цели Канин прошёл почти за минуту. Человек, вокруг которого разом образовалось пустое пространство, лежал на полу, на спине, свесив голову вправо, и почти не шевелился, его по-прежнему безостановочно рвало. Канин не мог определить, был ли человек в сознании или же нет.

Он ещё продирался сквозь толпу, как его окликнул какой-то монах, который до того стоял, склоняясь над лежащим и что-то бормотал:

— Вы — врач? Что нужно сделать?

— Переверните, переверните его, положите на бок, и рот ему пошире откройте, а то он рвотными массами захлебнётся.

Монах мгновенно всё исполнил.

— Так, я его сейчас осмотрую...

— Ещё что-то? — спросил монах подоспевшего Канина и, после секундной паузы, добавил: — Обезболивающее что-нибудь?

— Нет, ни в коем случае... При остром животе — ни в коем случае обезболивающее не давать, вся клиническая картина смажется... У вас лёд есть? Принесите лёд!..

Монах уже развернулся, как Канин окликнул его:

— “Скорую” вызвали?

— Не знаю, должны были уже.

— Немедленно “скорую”, немедленно, тут такое сильное кровотечение...

— Хорошо, хорошо...

Толпа уже почти полностью рассеялась; только лишь бабушки-лампадки сбились в кучу где-то в уголке, да несколько человек стояли далеко впереди них, у клироса.

Служба, конечно, не прервалась. И не могла она прерваться, ибо служилась не для собравшихся.

Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слышали.

Доктор Канин, как до того монах, склонился над лежащим, присел на корточки. Расстегнул рубашку, проперкутировал правое подреберье.

“...Живот напряжён, звук тимпанический... Значит, там газ, похоже, всё-таки перфорация. Плохо дело”.

— Эх, говорил же я тебе, не шути ты с язвой...

— Всё в порядке, — вдруг ответил слабым голосом лежащий, пытаюсь приподняться на локте. — А-а-а-а... Не надо было столько шума.

— Да вы что, — Канин начал пальпировать эпигастральную область, справа, — в самом-то деле, хватит бравады. Вера верой, а так нельзя. Сами себя довели. Сейчас уж просто лежите, на спине не переворачивайтесь, “скорая” едет. Вот так больнее?

— Да, больно...

— А вот так?

— Так... меньше...

— А здесь? И, правда, не нужно бравады, я знаю, я знаю, что больно...

— Нет, не бравада... Больно?... Больно... Умирать со Христом в сердце... умирать не страшно... А-а-а.. Не бойтесь. А шум... паника, страшно, что паника... Только бы там... а-а-а... никто не покалечился.

— Ну, вы умирать-то не торопитесь. Я думаю, всё нормально будет, — доктор Канин резко отдернул пальцы; лежащий дернулся следом. “Симптом Щёткина-Блюмберга положительный. Совсем худо”. Можно было бы, конечно, проверить ещё несколько симптомов, но доктор Канин решил, что лучше его лишний раз не шевелить — не навредить. Да и потом, без препаратов сделать он ничего не мог, а коагулянты в здешней аптечке вряд ли водились. Он попытался улыбнуться, но строить из себя оптимиста у него получалось не ахти как. Он-то знал, он-то всё знал.

— И вы не бойтесь, что так обо мне закричали, не бойтесь. Это неважно во всё...

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

Доктор Канин думал, что к ним кто-нибудь подойдёт. На них двоих и вправду все смотрели, но никто не подходил. Никто. Человек хотел ещё что-то сказать, но застонал, закашлялся, опять лёг на бок, и его тяжёлое, с хрипом дыхание эхом отражалось от свода и стен.

Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

Доктор Канин так до конца и не понял, зачем спросил:

— Вы и вправду не боитесь умирать? Даже неисповеданным?

Человек снова приподнялся на левом локте, внимательно посмотрел на Канина и улыбнулся, но уже не сдерживаясь, широко и ясно:

— Боюсь. Очень боюсь...

Он снова закашлялся, и в этот момент сознание оставило его окончательно.

Прибежал монах и принёс пузырь со льдом. Доктор Канин приложил лёд к эпигастральной области и, как мог, примотал. Трудно было сказать, да-ло бы это осязательный эффект или нет, но доктор Канин старался — свой долг он привык исполнять до конца.

С улицы донёсся звук заглушаемого двигателя и, по тёмному притвору запрыгали синие отблески проблесковых маячков.

Реанимационная бригада действовала быстро, слаженно, почти без слов. Канин сказал о результатах осмотра, его выслушали, но не очень внимательно.

Человека осмотрели снова, положили на каталку, как было, на бок, и тотчас же повезли к выходу; Канин следовал за ними.

На улице, когда уже захлопывались двери машины, ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, стоит поехать с ним, но тут же ей ответила другая, не менее резонная, что в реанимобиль его никто не пустит, и он оставил свою затею.

На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.

Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

Доктор Канин стоял на крыльце, теребя в кармане завалившиеся там ключи от квартиры и глядя куда-то вдаль. С запада, от начинающего заходить солнца, ветер гнал причудливой формы перистые облака, которые проплывали прямо над головой и скрывались за остриём колокольни. Ветер шевелил верхушки берёз по ту сторону аллеи, потрёпывал волосы на головах прохожих, шуршал пакетами в их руках.

Доктор Канин так и не мог понять, что же это такое. Что такое должно быть внутри тебя, чтобы ты мог терпеть такую боль. А тот ведь терпел... терпел. Странный человек. В сущности, Канина с ним ничто не связывало, но он понимал, что, пожалуй, ни к кому из своих пациентов он не испытывал такого сочувствия, как к этому — даже не пациенту, случайному знакомому.

Доктор Канин, конечно знал, что это такое, когда умирает твой пациент. У него, как у всякого врача, было своё личное кладбище. Но он, в общем, никогда не казнил себя за это. Да и здесь не казнил, но досадно было до слёз. Ему, Канину, очень станет горько, если этого человека не спасут. Что-то светлое было в нём, что-то, что не хотелось отпускать из мира.

Он боковым зрением уловил, как сзади подошёл давешний монах.

— Что теперь? — спросил тот у доктора.

— Теперь — экстренная госпитализация, наблюдение, и, думаю, операция. Резекция желудка, вероятно, хотя, я не хирург, я точнее не скажу, там могут быть варианты.

— Это он вас сюда позвал, так ведь? — монах внимательно, испытующе посмотрел на Канина, и тому, неизвестно, отчего, стало немного стыдно.

— Да, это он. Я, знаете, к стыду своему, не так часто в церкви бываю.

— Это личное дело каждого. А вы с ним знакомы?

— Нет, в общем-то. В поезде ехали, в одном купе... А вы?

— Я? Нет, конечно. Сюда ведь много паломников приезжает каждый год. Хотя он часто бывает, я его запомнил. Но по имени, разумеется, не знаю.

— Глупо как-то всё это получилось, глупо. Ведь вдруг такая паника...

— Всякое бывает, и это тоже бывает.

— Да, я понимаю, народ экзальтированный...

— Никого не надо осуждать. Случилось то, что случилось. В этом как раз и есть смысл того, что здесь произошло.

— Вы о чём?

— Я вот о чём. Как вы думаете, в чём смысл чтения Книги Исхода на Великой вечерне, когда, казалось бы, речь идёт о новозаветных событиях?

— Не знаю, — честно ответил Канин.

— А смысл в том, чтобы напомнить в том числе и о том, что человек может не понимать и заблуждаться, это свойственно ему. Это что-то вроде наглядного примера: в ветхозаветные времена даже Моисею было невозможно узреть лицо Господа. А когда Христос явился в этот мир, Его лицо могли видеть все. И всё же люди не поняли этого и осудили Его на крестную смерть...

— Я, — растерянно и совсем не к месту сказал доктор Канин, — я, что мог, сделал. Я, может, для церкви человек пропащий, но как врач, что мог, сделал.

— Для Господа никто не пропащий. Скажите, вы за него переживаете?

— Да. Не понимаю, зачем он так?.. Не ехал бы сюда, не изводил бы себя постом, он же язвенник, ему строжайшая диета нужна...

— Каждый сам выбирает себе путь. Сстрадание — это тоже выбор. Не нам с вами его осуждать. Не казните себя. Не надо.

...Двое послушников нараспашку открыли ворота, и на подворье въехал огромный *Dodge Interpid* неопределённого цвета. Стоявшие чуть поодаль трое полицейских поспешили к машине и, когда дверь с водительской стороны открылась, выгнулись по стойке “смирно”, разве что под козырёк не взяли.

Из автомобиля вышел парень лет двадцати трёх, одетый в дорожную, но безвкусную чёрную куртку с воротником из искусственного меха, с огромным портфелем на плече. Не обращая на стражей порядка ни малейшего внимания, он закрыл машину, и поднялся на крыльцо, поприветствовав стоявших там лёгким, но изящным кивком головы.

— Здравствуйте, — негромко и нерешительно, так, чтобы, если что, никто не услышал, сказал доктор Канин.

Монах ничего не сказал, только кивнул.

— Добрый день, — сказал парень, — мне отсюда позвонили, попросили заехать...

— А вы кто? — спросил монах.

— Моя фамилия Постышев, я следователь, из района, — парень вынул из нагрудного кармана красное удостоверение и хлопнул им перед лицом у монаха.

— Значит, сказали уже отцу настоятелю...

— Вообще-то сначала позвонили в полицию, а уж потом мне из дежурной части... Меня вообще здесь быть было не должно, меня с трупа из района выдернули. Ладно, давайте, пообщаемся с вами, — он посмотрел на Канина.

— Будете меня допрашивать?

— Не допрашивать, а опрашивать, — менторским тоном произнёс Постышев, извлекая из портфеля планшет и бланки. — Пока уголовное дело не возбуждено, никаких следственных действий не проводится, допросов в том числе. Это пока только объяснения.

— Вы понимаете, я не из этого города... И вряд ли скоро сюда приеду. Может, лучше без этого, а то как вы меня искать потом будете?

— Ничего страшного, второй раз вас дёргать никто не станет. Вы же, наверное, сами понимаете, что никакого дела здесь не будет.

Опрос происходил там же, на крыльце. Постышев стряхнул перчаткой снег с балюстрады и, опершись на неё, начал заполнять бланк.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Канин Евгений Викторович.

— Дата рождения?

— Двенадцатое июня тысяча девятьсот шестьдесят *** года.

— Место рождения?..

— Всё верно записано?

— Да, всё верно вроде...

— Тогда вот здесь напишите: “С моих слов записано верно, мною прочитано” и распишитесь, только дату не ставьте. Вот, возьмите ручку.

— С моих слов... верно... прочитано, — Канин с удовлетворением взглянул на свою размашистую, с претензией на начальственность подпись и вдруг понял, что хочет засмеяться.

— Что с вами?

— Да нет, ничего, анекдот смешной вспомнил...

— Понятно... И я всё-таки не понимаю: как так вышло, что вы с ним разговаривали и даже имя не узнали?

— Да даже и не знаю, — честно ответил доктор Канин, — как-то необходимости в этом не было...

— Да, вам ещё повезло... Человек в прелести, вы с ним говорили... Такие персонажи иной раз даже и не разговаривают...

— Где человек?

— Тут, Евгений Викторович, не “где”, тут, скорее, “как”... Когда говорят “в прелести” — это что-то вроде православного сленга. Значит, что человек верующий до такой степени, что, кроме веры, вообще ничего не интересуется. Страшное дело, скажу я вам...

— А вы-то откуда всё это знаете?

— В нашем районе поработаешь — и не такое узнаешь, — невесело усмехнулся Постышев.

— Скажите, а дальше что будет?

— Дальше? Дальше будет проверка, будем искать, не было ли у кого умысла на убийство, не отравил ли кто... Но вообще туфта всё это, если честно. Меня лично вообще здесь быть не должно. По-хорошему, такие вещи участковый должен обрабатывать, вон он, кстати, в церкви, протокол ОМП пишет... Тут теперь одна проблема — имя узнать. Документов-то у него при себе не было, оставил, видать, где-то. Эти ж паломники, они же по всяким скитам останавливаются или ещё где-нибудь в подобных местах. А скитов этих по окрестным деревням...

— А сами вы что думаете по этому поводу?

— Да ничего пока не думаю... Я ж с ним не беседовал. По-дурацки как-то всё это. Вот уж правда, заставь дурака Богу молиться... Здесь, помнится, были случаи, когда люди в голодные обмороки падали. Но чтобы так...

Канин хотел спросить что-то ещё на эту же тему, но спросил совсем о другом:

— Как теперь мне выбираться отсюда в город?

— Да никак, на такси только. Или может, к паломникам в автобус впишетесь. Но это вряд ли, у них там всё битком. А вообще, знаете, что? Если подождёте, хотите, я вас довезу? Мне в Хлебниково потом, всё равно через город ехать. Только с монахом с этим тоже надо поговорить сначала. Но это недолго.

— Хорошо, я подожду.

Постышев и монах и вправду разговаривали недолго, не больше десяти минут. Потом следователь зашёл в церковь, надо думать, забрать протокол, а выйдя, пошёл заводить машину. Канин последовал за ним.

Ехали быстро, ехали молча. До гостиницы Постышев Канина не довёз (ему нужно было в другую сторону) и высадил в паре кварталов от неё.

Но в гостиницу доктор Канин сразу и не пошёл. Он решил дойти до больницы, благо, было недалеко. Зачем? Нет, не проведать (да и не пустят к такому больному), а, скорее, узнать, что да как. А может, ещё и просто прогуляться. Вечер был тёплый, приятный.

В больнице его визиту несколько удивились. Зато доктор Канин ничего нового для себя не узнал. Да, доставлен, осмотрен, в экстренном порядке взят в операционную, скоро, наверное, уже закончат.

...Сидя у входа в оперблок, доктор Канин подумал, что так глупо он себя, наверное, никогда не чувствовал. Что он спросит у хирурга? Как прошла операция? Будет ли жить? Ерунда, ей-богу, ерунда...

...“Скоро” растянулось на добрых полтора часа. Когда же двери, наконец, открылись, и хирург вышел в коридор, доктор Канин подскочил со скамейки, где сидел, потому что, как ему показалось, он понял, о чём он хочет его спросить...

Но тотчас же сел на место, потому что по одному утрюмо-усталому выражению лица, показавшемуся из-под снятой маски, доктор Канин понял, что уже всё кончено.

Доктор Канин шёл в гостиницу. Вместо мыслей в голове была какая-то несурзидца, каша. “Пост. Молитва. Страстная пятница. Молитва. Служба. Тишина. Нечистый. Нечистый?.. Шум. Опять тишина. Облака. Небо. Снова тишина...” А потом пришла и вовсе странная мысль: что все те люди, которые были там, в церкви, будут помнить об этом случае? О чём расскажут знакомым?

А час или два спустя в номере его посетила другая мысль, простая, но оттого не менее удивительная мысль — оказалась вдруг он когда-нибудь на месте этого человека и уйди тогда со службы — ему было бы очень стыдно. Доктор Канин поморщился от осознания этого явно неудобного факта, рука потянулась в карман брюк, за давно не существующими там сигаретами, а когда сигарет не нашлось, ноги сами, как-то против его воли встали и подвели его к окну.

Солнце садилось в тучу. Над тучей плыли всё те же перистые облака, только окрашенные в багряный оттенок.

...Хоронили на другой день, в Великую субботу (ибо на Пасху хоронить никого нельзя), под вечер. Хоронили у самого дальнего угла городского кладбища, у самой железной дороги, среди безымянных могил.

Подморозило. Снег, чёрный апрельский снег на ярком солнце снова блестел, как зимой, и неприятно похрустывал под переминающимися от долго стояния ногами.

Панихиду служил иеромонах Анастасий, в ризе и епитрахили. Доктор Канин молча стоял за его спиной и слушал. Рядом с ним, плечом к плечу, стоял Постышев и тоже молчал. Ещё где-то в стороне курили двое могильщиков, и больше на кладбище никого не было.

В какой-то момент следователь, который был повыше ростом, наклонился к Канину и доверительным тоном прошептал:

— Ну, вот и всё. Исследование, слава Богу, быстро сделали, почему я и разрешил его хоронить. Теперь уже всё.

— Вы думаете? — таким же шёпотом спросил Канин.

— Конечно. А что теперь? Где он остановился, будем искать, но это уже мелочи.

— Вы так к этому относитесь? Вам его хотя бы жалко?

Постышев отрицательно покачал головой.

— Конечно, не по-людски всё как-то вышло, кто же спорит. Но так... Знаете, сколько каждый год безымянными умирает?.. Всех не пожалеешь, — и после некоторой паузы, повторил: — Всех не пожалеешь. Да и потом, что здесь не так? Он похоронен с миром, как положено. Он наверняка бы сам этого хотел — почти как Христос, опять же, в Великую субботу. Тем более вот, — Постышев кивнул на иеромонаха Анастасия, — он благословение у настоятеля испрашивал на панихиду, он мне так сказал.

— Да, наверное, вы правы. Только всё равно, нельзя так, не должно быть так. Ну, какой он “нечистый”, или как это теперь будут вспоминать? Бред же это всё, всё же не так...

— Хм, нечистый? — Постышев странно улыбнулся и, немного помолчав, добавил: — Хорошо сказано.

...Солнце уже клонилось к закату. Где-то вдалеке кричали птицы. И в небо поднималось торжественное и заунывное:

— Вечная па-а-амьять, вечная па-а-амьять, ве-е-е-ечная па-а-амья-а-ать!..